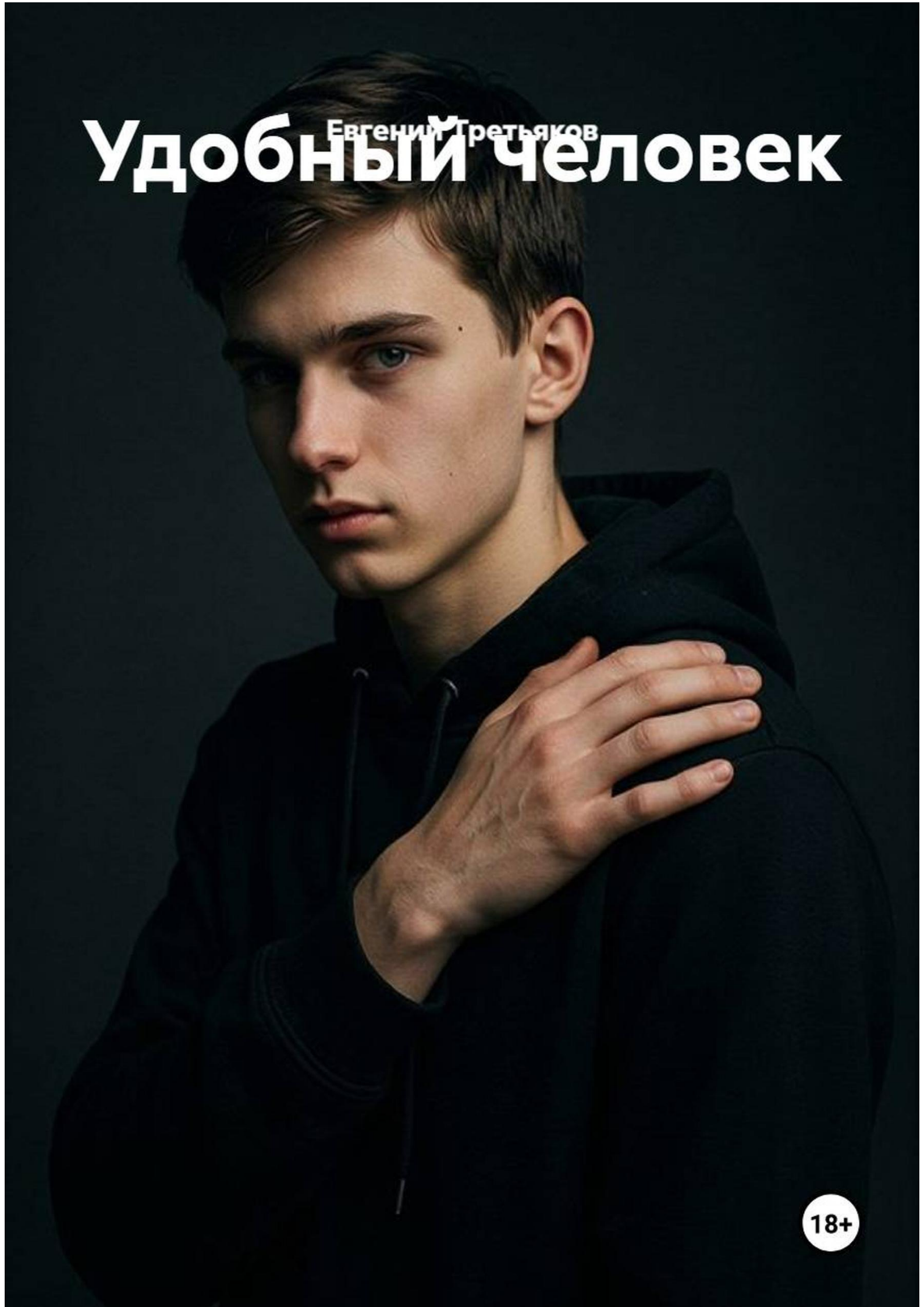

Евгений Третьяков
Удобный человек
18+

Евгений Третьяков

Удобный человек

«Автор»
2026

Третьяков Е.

Удобный человек / Е. Третьяков — «Автор», 2026

Стас — обычный студент, который привык уступать, молчать и не задавать лишних вопросов. Но в его жизни есть странности: он не пьёт воду, не помнит своего раннего детства, а на плече иногда чувствует чужую руку — тёплую, тяжёлую, оставшуюся с ним навсегда. Случайная находка заставляет привычный мир трескаться по швам.Друзья, которые оказываются не теми, кем казались. Преподаватель, знающий больше, чем говорит. Заброшенная комната в подвале института, где лампа без абажура загорается, когда рядом собираются нужные люди. И девочка, которая в нужный момент делает шаг вперёд.Это история о том, как человека годами делают «удобным» — мягко, без насилия, почти незаметно. И о том, как он однажды решает узнать, кто он на самом деле. Тихая, как вода, и тревожная, как вода, книга о памяти тела, о чужих руках на наших плечах и о том, что остаётся, когда руку убирают.Книга о самопожертвовании и стремлении познать свой внутренний мир.Четвертая книга цикла "Мерцающие".

© Третьяков Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. «Рука» 6
Часть I. «Удобный» 8
1 8
2 10
3 12
4 13
5 15
Парк 17
Сон 19
Часть II. «Навыки» 20
1 20
2 22
3 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Евгений Третьяков
Удобный человек

Пролог. «Рука»

Мужчина стоял у воды.

Не в воде — на берегу. Ноги в песке, кромка воды у самых щиколоток. Он не шевелился. Вода трогала его — осторожно, как трогают спящего. Он смотрел.

На руках у него был ребёнок.

Мальчик. Маленький, лет двух. Светлые волосы, слипшиеся от влажного воздуха. Он не спал. Он смотрел туда же, куда смотрел мужчина. В воду. Сосредоточенно, как смотрят дети, когда им не объяснили, что смотреть нужно иначе.

Мужчина молчал. Не потому что не хотел говорить. Просто то, что он хотел сказать, не было словами. Оно было — вот это. Рука на спине ребёнка. Тепло ладони. Ветер. Вода. Утро, которое ещё не решило, каким будет день.

Мальчик прижался щекой к его плечу. Мужчина почувствовал это — и что-то в нём сжалось. Не в груди. Глубже. Там, где не бывает слов.

Он подошёл к другому.

Второй мужчина стоял в трёх шагах. Ждал. Не смотрел на воду. Смотрел на ребёнка. У него было лицо человека, которому передают — и он берёт. Не спрашивает. Просто берёт.

— Держи, — сказал первый. Тихо. Не приказ. Просьба.

Он передал ребёнка. Не резко. Не так, как передают вещь. Так, как передают то, что боятся уронить. Мальчик не заплакал. Он посмотрел на первого — снизу вверх, серьёзно, без обиды. Как будто понимал больше, чем мог сказать.

Первый не улыбнулся. Не погладил по голове. Не сказал «я вернусь».

Он просто убрал руку.

И пошёл.

В воду.

Не быстро. Не медленно. Как идут туда, куда нужно. Вода поднялась до колен. До пояса. Он остановился. Постоял секунду — спиной к берегу, спиной к мальчику. Потом взялся за борт.

Лодка была там, где её не должно было быть. У берега, в камышах, тёмная и тихая. Он забрался в неё — неуклюже, по-мужски, не думая о том, как это выглядит. Встал. Выпрямился во весь рост.

И не обернулся.

Вода взяла лодку. Медленно. Не спеша. Понесла — вдоль берега, мимо камышей, к туману, который стоял над озером, как стена. Лодка шла ровно. Не качалась. Как будто вода знала дорогу.

Мальчик смотрел. Второй держал крепче, чем нужно.

Лодка уменьшалась. Мужчина стоял в ней — прямой, неподвижный, спиной. Не оборачивался. Не махал. Просто стоял.

Потом туман взял его. Сначала ноги. Потом спину. Потом плечи. Потом — ничего. Только серое. Только тишина. Только вода, которая ещё несла кого-то, кого уже не было видно.

Мальчик не плакал.

Он смотрел на туман. И запоминал. Не умом — умом он ещё не умел. Телом. Руку на плече. Тепло. Уход. То, как спина уменьшалась, пока не стала туманом. То, как второй мужчина дышал — коротко, через нос, будто боялся вдохнуть слишком много.

Потом второй повернулся. И понёс ребёнка обратно. К машине. К дороге. К жизни, в которой не будет этого утра.

Мальчик не оборачивался. Но рука на плече осталась. Не та, что держала. Другая. Та, что убрали.

Она лежала — тепло, тяжесть, тень. И не уходила.

Вода стояла.

Долго. Спокойно. Как будто ничего не случилось. Как будто она не забрала — просто приняла. И в этом «приняла» было что-то, чего не было в слове «забрала». Что-то, что мальчик почувствует через двадцать лет. И не поймёт.

Пока — не поймёт.

Часть I. «Удобный»

1

Стас пришёл в институт за двадцать минут до первой пары. Так получалось само. Не потому что он был пунктуальным — он не был. Просто ноги выносили его из дома раньше, чем он успевал решить, надо ли. И он шёл. Мимо ларьков, мимо остановки, мимо собак, которые на него не лаяли. Через двор — короткой дорогой, по плитам, которые помнил наизусть.

В холле было пусто. Только вахтёрша, тётя Валя, смотрела телевизор на маленьком экране, приткнутом к стене. Она подняла глаза, когда он вошёл, и улыбнулась. Не дежурно. По-настоящему. Как будто он был её собственным сыном, который наконец вернулся.

— Стасик, — сказала она. — Ты чего так рано?

— Не спится, — сказал он. И это была правда. Он не помнил, что ему снилось. Только холод. И что-то на плече. Мягкое. Тянущее назад. Как будто кто-то держал его — и не отпускал.

— Ну иди, иди, — сказала тётя Валя. — Там в аудитории окно открыто, проветрила.

Он кивнул и пошёл наверх. По лестнице, мимо стенда с расписанием, мимо колонны, у которой всегда кто-то стоял — но сейчас никого не было. Он не посмотрел на колонну. Он просто прошёл мимо. Как проходят мимо того, что ещё не стало важным.

Но краем глаза — или краем чего-то другого — он заметил: у колонны кто-то стоит. Молодой. В куртке. Не двигается. Как будто ждёт. Или как будто всегда там стоял. Стас не обернулся. Но что-то под рёбрами — ёкнуло. Коротко. Как будто кто-то положил руку на плечо. И убрал.

В аудитории действительно было прохладно. Окно открыто, занавеска колышется. Он сел на своё место — у окна, второй ряд. Не потому что любил окно. Просто так получилось в первый день, и потом уже не хотелось менять.

Он достал телефон. Проверил сообщения. Марк писал вчера вечером: «Стас, ты идёшь? Ну ты понял. В пятницу. У Киры. Там будет всё». Он не ответил. Не потому что не хотел. Просто не знал, что ответить. Он никогда не знал, что ответить Марку. Марк был шумный, весёлый, звал его везде, и Стас шёл. Не потому что хотел. Потому что неудобно было отказать.

Он положил телефон на парту. Посмотрел в окно. Там был двор, а за двором — дорога, а за дорогой — что-то ещё, чего он не видел. Он не думал об этом. Просто смотрел.

В аудиторию начали заходить. Сначала один, потом другой, потом шумно, всей группой. Его хлопнули по плечу — не сильно, по-дружески. Он обернулся. Это был Марк. Улыбался.

— Ты чего трубку не берёшь? — спросил Марк. — Я звонил.

— Не слышал, — сказал Стас. И это тоже была правда. Он не слышал. Он вообще часто не слышал, когда звонили.

— Ладно. В пятницу-то идёшь?

— Иду, — сказал Стас. И улыбнулся. Потому что Марк ждал улыбки. Потому что если не улыбнуться, Марк расстроится. А расстраивать Марка было неудобно.

— Вот и молодец, — сказал Марк и хлопнул его ещё раз. По другому плечу. И пошёл на своё место, к окну, к свету, к своей шумной жизни.

Стас смотрел на него. И чувствовал что-то. Не зависть. Не раздражение. Просто — что-то. Как будто он был не совсем здесь. Как будто он смотрел на Марка через стекло. Толстое. Мутное. И не мог постучать.

Он открыл тетрадь. Положил перед собой ручку. Приготовился слушать. Преподаватель говорил что-то про воду. Про то, как она держит. Про то, как она принимает. Стас слушал. Не

записывал. Просто слушал. И где-то под рёбрами— глубоко, там, где не бывает слов, — что-то ёкнуло. Коротко. Как будто кто-то положил руку на плечо. И убрал.

Он не заметил. Он просто налил себе чай из термоса. Не воду. Чай. Как всегда.

2

После пары преподаватель — Пётр Аркадьевич, немолодой, в мятом пиджаке, с бородой, которая росла не там, где надо, — стоял у кафедры. Вокруг него уже собрались. Трое или четверо. С листочками, с вопросами, с готовностью. Он слушал одного, кивал, но смотрел куда-то мимо — в окно, на воду в графине, на что угодно, кроме говорившего.

Стас подошёл последним. Не расталкивая. Просто подошёл и встал чуть в стороне.

Пётр Аркадьевич поднял глаза. Нашёл его в толпе. И — не то чтобы улыбнулся. Просто лицо стало другое. Как будто из списка дел он вычеркнул одну строчку и перешёл к той, которую откладывал с удовольствием.

— Станислав, — сказал он. — Подождите. — И повернулся к тем, кто стоял рядом: — Коллеги, у вас всё? Если нет — завтра на кафедре. Я не убегаю.

Они ушли. Не сразу — с легкой задержкой, как будто каждый ждал, что его окликнут. Никто не окликнул. Дверь закрылась.

Пётр Аркадьевич сел на край стола. Не предложил сесть Стасу — но тот и не ждал. Он стоял.

— Ну, — сказал преподаватель. — Показывайте.

Стас достал из папки листы. Распечатки, ксерокопии, выписки. Он собирал их две недели. Не потому что горел. Просто тема попалась такая, что материалы сами шли в руки. Он не искал специально. Они находились.

Пётр Аркадьевич взял листы. Начал смотреть. Медленно. Не как смотрят, чтобы одобрить. Как смотрят, чтобы понять.

— Так, — сказал он. — «Феномен адаптивного поведения в закрытых группах». — Он поднял бровь. — Это вы сами сформулировали?

— Сам, — сказал Стас. — Но, наверное, это уже было. Я не проверял.

— Было, — сказал Пётр Аркадьевич. — Не в таких словах. — Он перевернул страницу. — А это откуда?

Он показал на выписку. Стас наклонился. Там был кусок из старой статьи — про то, как человек перестаёт замечать, что его действия не его. Про «выученную уступчивость». Про то, как группа мягко, без насилия, делает человека удобным.

— В библиотеке, — сказал Стас. — В старых подшивках. Я не помню точно, какой год.

— Шестьдесят восьмой, — сказал Пётр Аркадьевич. Он не смотрел на лист. Он смотрел на Стаса. — Это хорошая статья. Её мало кто берёт. Она неудобная.

Он положил листы на стол. Разровнял. Не спеша.

— Тема — ваша, — сказал он. — Материал — тоже ваш. Не по методичке. Не из интернета. Вы копали.

Стас не знал, что ответить. Он не копал. Он просто шёл и находил. Как будто кто-то оставлял это на его пути. Но говорить так было бы странно. И он промолчал.

— Знаете, что мне нравится? — сказал Пётр Аркадьевич. — Вы не пытаетесь доказать, что это про вас. — Он усмехнулся. — Обычно студенты выбирают тему, которая их задевает, и потом весь текст — одна длинная исповедь. А вы выбрали то, что вас, вроде бы, не касается. И копаете. Хорошо копаете.

Он встал. Подошёл к окну. За окном был двор, дорога, что-то ещё.

— Только одно, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы уверены, что это вас не касается?

Стас молчал. Вопрос был неудобный. Не потому что ответа не было. Потому что ответ был — и он его не знал.

— Ладно, — сказал Пётр Аркадьевич. — Идите. Через месяц покажете первую главу. Не текст. Список источников. И свои выводы. Не по теме. По себе. Что вы поняли, пока копали.

Он обернулся. И посмотрел на Стаса так, как смотрят на человека, которого давно знают — и всё ещё не уверены, что знают.

— И ещё. Вы вчера у колонны стояли?

Стас не помнил, чтобы стоял. Но и не помнил, чтобы не стоял.

— Не знаю, — сказал он.

— Я так и думал, — сказал Пётр Аркадьевич. И вернулся к столу. — Идите.

Стас вышел. Дверь закрылась. В коридоре было пусто. Только окно, свет, пыль в воздухе. Он постоял секунду. Посмотрел на свои руки. Потом пошёл вниз.

Он не думал о вопросе. Он думал о том, что через месяц надо принести список. И что он не знает, что писать в выводах. По себе.

3

Дома пахло ужином. Мать была на кухне, отец — в комнате, перед телевизором, с газетой, которую он не читал, а держал. Так он сидел всегда. Как будто газета была не для чтения, а для того, чтобы было чем занять руки.

Стас прошёл мимо. Не поздоровался — не потому что не хотел. Просто не заметил, что надо. Мать окликнула из кухни:

— Стасик, ты будешь?

— Буду, — сказал он.

Она кивнула и отвернулась к плите. И он вдруг заметил, как она держит полотенце — обеими руками, крепко, как будто боится, что оно выскользнет. Так держат то, что не своё. Или то, что могут отнять.

Он не был голоден. Но если сказать «не буду», мать расстроится. Она не покажет. Но расстроится. И потом весь вечер будет ходить тише, чем обычно. А тихая мать — это неудобно. Так что он будет.

Он зашел к себе. Комната была маленькая, но своя. Кровать, стол, полка. На полке — книги, старые, ещё школьные. И альбом. Толстый, в тёмно-зелёной обложке, с потёртыми углами. Он стоял между словарём и какой-то книгой, которую Стас не открывал ни разу.

Он не помнил, когда этот альбом появился. Он был всегда. Как обои. Как скрип половицы у двери. Как то, что он не пьёт воду из стакана.

На стене в коридоре висели две фотографии: мать и отец. Молодые. Свадебные. И больше — ничего. Ни его детских снимков, ни совместных. Как будто жизнь началась с этого альбома. Или закончилась им.

Он посмотрел на альбом. Секунду. Две. Не протянул руку. Не захотел открыть. Просто отметил: стоит. Как отмечают, что за окном идёт дождь — и не выходят на улицу.

Потом сел за стол. Открыл ноутбук. Начал набирать что-то для курсовой. Не потому что горел. Просто надо было. Слова шли легко. Слишком легко. Как будто он уже писал это. Когда-то. Давно. Или не он.

Он остановился. Посмотрел на экран. Потом на полку. Альбом стоял. Не смотрел на него. Не звал. Просто был.

— Стасик! — позвала мать. — Иди, остынет.

— Иду, — сказал он.

Он закрыл ноутбук. Встал. Вышел. Дверь оставил открытой. Альбом остался. На полке. Между словарём и книгой, которую он не открывал.

4

Двор был маленький, тесный, с одной лавочкой и мусорными баками у стены. Человек пятнадцать стояли, сидели на бордюре, ходили туда-сюда. Курили. Смеялись слишком громко — так смеются, когда ещё не выпили, но уже хотят, чтобы казалось, что весело.

У подъезда сидела собака.

Не у забора. Не в стороне. Прямо на дорожке, в трёх шагах от двери. Большая, тёмная, с рёбрами, которые проступали сквозь шерсть. Бродячая. Голодная. Она не рычала — она просто сидела. Но когда кто-то делал шаг к подъезду, она поднимала голову. И смотрела. И этого было достаточно.

Никто не проходил. Двое парней попробовали — она встала. Не бросилась. Просто встала. И они отступили. Девушки сбились в кучу у баков. Кто-то смеялся нервно. Кто-то говорил: «Да она не тронет». Но никто не шёл.

Кира высунулась из окна на втором этаже:

— Ну вы чего там? Идите!

— Тут собака! — крикнул кто-то.

— Какая собака? — Кира выглянула дальше. — Господи. Обойдите с другой стороны.

— Там забор.

Кира исчезла. Через минуту появилась снова:

— Сейчас позвоню кому-нибудь. Или сами разберитесь.

Никто не разбирался. Стояли. Ждали. Собака сидела. Смотрела.

Марк стоял рядом со Стасом и говорил. Про какую-то пару, про Киру, про то, что сегодня будет «жёстко». Стас кивал. Не слушал. Смотрел на собаку. На то, как она дышит. На то, как рёбра поднимаются и опускаются.

Потом услышал.

Не крик. Не ссору. Что-то тише. Девушка говорила «не надо» — не громко, а так, как говорят, когда уже поняли, что их не слышат. И парень — большой, в куртке, с лицом, которое уже не понимало, что делает, — держал её за локоть. Не сильно. Но держал. И не отпускал.

Это было в стороне от собаки. Ближе к бакам. Но между Стасом и парнем была собака. Прямо на дорожке. Прямо на пути.

Стас не думал. Не решал. Ноги сами понесли его — не быстро, не медленно. Просто понесли. Через двор. К собаке. К парню.

Собака подняла голову. Когда он был в двух шагах — встала.

Стас не остановился. Не замедлился. Он просто шёл. И смотрел не на неё. На парня. На девушку. На то, что было за собакой.

Собака отступила.

Не резко. Не с поджатым хвостом. Просто шагнула в сторону. Отошла к стене. И села. И больше не смотрела на него. Смотрела на двор. На всех остальных. Но не на него.

Стас прошёл мимо. Не обернулся. Не сказал ей ни слова.

Парень в куртке заметил его, когда он был в шаге. Поднял глаза. Готов был сказать что-то резкое, чтобы поставить на место. Но не сказал. Потому что Стас уже положил руку ему на плечо.

Не сильно. Не грубо. Просто положил.

Парень замер. Не вздрогнул. Не отшатнулся. Просто — замер. Как будто внутри него выключили звук. Дыхание стало ровнее. Пальцы на локте девушки разжались. Медленно. Один за другим.

Стас ничего не говорил. Стоял. Держал руку. Смотрел парню в глаза.

Потом убрал руку.

Парень постоял секунду. Посмотрел на девушку. На Стаса. На свою руку, которая только что держала. И ушёл. Не быстро. Не оглядываясь. Просто ушёл. Как уходят, когда не понимают, что произошло.

Девушка осталась стоять. Тёрла локоть. Смотрела на Стаса. У неё было лицо — не испуганное. Другое. Как будто она только что увидела что-то, чего не ожидала.

— Ты как? — спросил Стас. Голос был свой. Обычный.

— Нормально, — сказала она. — Спасибо.

Он кивнул. И пошёл обратно. К Марку.

Двор молчал. Не весь. Двое у баков перестали курить. Девушки на бордюре смотрели на него — не так, как смотрят на «хорошенького». По-другому. Парни — тоже. Тот, который только что отошёл, стоял у стены и смотрел в землю. А рядом с ним — ещё двое. Один из них, с проколотой бровью, сказал тихо, но Стас услышал:

— Это что сейчас было?

— Не знаю, — сказал второй. — Но я бы не хотел, чтобы он так на меня посмотрел.

Собака сидела у стены. Молчала. Смотрела на Стаса. Не рычала. Не скалилась. Просто смотрела. Как будто ждала, что он подойдёт. Он не подошёл. Он даже не обернулся.

Марк смотрел на Стаса. Улыбка с его лица сползла. Не испарилась — сползла. Как будто что-то треснуло.

— Ты чего? — спросил Стас.

— Ничего, — сказал Марк. — Нормально. — И через паузу: — Ты же её не знаешь.

— Не знаю, — сказал Стас.

Он не понимал, почему это важно. Он не понимал, что сделал. Он просто положил руку. Так же, как когда-то — когда ему было два года — кто-то положил руку ему на плечо. И он перестал плакать. Навсегда.

Он этого не помнил. Но тело помнило.

Дверь подъезда открылась. Кира высунулась, крикнула:

— Ну, вы идёте или нет?

И двор ожил. Все двинулись. Девушки, парни, Марк. Стас пошёл вместе со всеми. И только та девушка, которую он освободил, ещё секунду стояла у стены. Смотрела ему в спину. Потом пошла за ним.

Собака осталась сидеть. Проводила его глазами до двери. И только когда дверь закрылась — легла. Не спать. Ждать.

5

Квартира была маленькая, но набилась так, что казалась большой. Люди стояли в коридоре, сидели на кухне, курили на балконе. Музыка играла негромко — кто-то поставил телефон к колонке, и он то и дело съезжал, и тогда музыка становилась глуше, и кто-то поправлял, и она возвращалась.

Стас вошёл и сразу оказался в кухне. Не потому что шёл туда. Просто поток людей вынес. Кто-то сунул ему стакан — не спросив, что он будет. Он взял. Не пил. Держал.

Кира нашлась в комнате. Она сидела на диване, рядом с ней — две девушки, ещё кто-то на подлокотнике. Увидев Стаса, она подняла голову и улыбнулась — не так, как улыбалась в окно, а по-другому. Как будто она ждала его. Или ждала кого-то, и он подошёл.

— О, — сказала она. — Ты. Тот самый.

— Какой? — спросил Стас.

— Который с собаками разговаривает, — сказала она. И засмеялась. И девушки рядом засмеялись. Не зло. Просто смешно.

Стас не обиделся. Он не понял, что это шутка. Он просто стоял.

— Садись, — сказала Кира. И подвинулась.

Он сел. Не потому что хотел. Просто она подвинулась, и если бы он не сел, было бы неудобно.

В комнате стояла гитара. Старая, с потёртым грифом, прислонённая к стене. Кто-то взял её, попробовал что-то сыграть, сбился, засмеялся и поставил обратно. Кира проследила за взглядом Стаса.

— Ты играешь? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

— Совсем?

— Совсем.

Он сказал это спокойно. Без смущения. Без «ой, я не умею, извините». Просто «совсем». И это почему-то понравилось Кире. Она переглянулась с девушками. Они переглянулись с ней. И Кира сказала:

— А хочешь, я научу?

— Чему?

— Первым азам. Вот, смотри.

Она взяла гитару. Села ближе. Положила её на колени. И начала показывать: вот струны, вот лады, вот здесь зажимаешь, а здесь бьёшь. Стас смотрел. Не перебивал. Не говорил «я всё равно не смогу». Просто смотрел. И когда она протянула ему гитару, взял.

Гости начали собираться. Сначала двое. Потом ещё. Потом образовался полукруг — не весь, но многие. Кто-то остался на балконе. Кто-то на кухне. Кто-то рассказывал про концерт известной группы — громко, с деталями, которые никто не слушал. Но вокруг Киры и Стаса — полукруг. И в нём — смех.

Стас зажимал струны неуклюже. Пальцы не слушались. Он бил по ним, и звук получался глухой, не тот. Он хмурился. Пробовал снова. Опять не тот. Кира смеялась. Гости смеялись. Кто-то сказал:

— Да он старается! Смотрите, старается!

— Как в первый класс пришёл!

— Ещё раз, ещё раз!

Стас смеялся тоже. Не громко. Просто улыбался и смеялся вместе со всеми. Ему было не обидно. Ему было... не то чтобы весело. Но нормально. Как будто так и надо. Как будто он делал то, что от него ждали. И это работало.

Кира положила руку ему на плечо — поправить пальцы. Он не вздрогнул. Просто дал. Она показала ещё раз. Он попробовал. Звук получился чуть чище. Все захлопали. Кто-то присвистнул.

— Ну вот! — сказала Кира. — Учишься!

Стас кивнул. И вдруг — на секунду — поднял глаза.

Марк стоял у стены. Не в полукруге. Не рядом. Просто стоял. Смотрел.

Не смеялся. Лицо было спокойное — слишком спокойное. Как у человека, который решил не показывать, что ему не всё равно. Но было видно: ему не всё равно.

Стас встретился с ним взглядом. На секунду. Марк не отвёл глаз. Не улыбнулся. Не кивнул. Просто смотрел. И в этом взгляде было что-то, чего Стас не понял. Не злость. Не обида. Что-то другое. Как будто Марк впервые увидел его — и увидел не то, что ожидал.

Стас отвёл глаза. Потому что было неудобно смотреть. Потому что Марк смотрел так, как будто ждал чего-то. А Стас не знал, чего.

А Кира — Кира смотрела не на Марка. И не на гитару. Она смотрела на Стаса. И в её взгляде было что-то, чего он не понял. Не жалость. Не интерес. Что-то другое. Как будто она уже знала, что будет. Или как будто она уже решила.

— Ты не такой, как все, — сказала она тихо. Так тихо, что услышал только он. — Я это сразу поняла. И мне это нравится.

Она не улыбнулась. Просто сказала. И вернулась к гитаре.

Кира что-то говорила. Гости смеялись. Кто-то забрал гитару — «дай я попробую». Стас остался сидеть. Смотрел на свои руки. На пальцы, которые только что зажимали струны. Они не болели. Не устали. Они просто были. Как чужие.

Он встал. Не резко. Просто встал. Кира подняла глаза:

— Ты куда?

— На балкон, — сказал он. — Подышать.

— Иди, — сказала она. И улыбнулась. — Только не долго. Я ещё не всё показала.

Он вышел. Через кухню, мимо людей, мимо разговоров. На балконе было двое. Они курили и говорили о чём-то. Он встал в стороне. Не у окна. Просто у стены. Смотрел на двор. Там было темно. У подъезда — никого. Собака ушла. Или легла где-то. Он не думал о ней.

Он думал о руке. О том, как Кира положила ему руку на плечо. Как поправила пальцы. Как это было — нормально. И как Марк смотрел. И почему от этого взгляда было неудобно.

Он не знал ответа. Он просто стоял. И дышал. И где-то глубоко, под рёбрами, — было тихо. И это было хорошо. И это было страшно. Потому что тихо — это как перед водой. Как перед тем, как войти. Как перед тем, как уйти.

Он постоял ещё минуту. Потом вернулся. Потому что Кира ждала. А ждать — это неудобно. Для неё.

Парк

Он проснулся поздно. Не потому что устал. Просто не было причины вставать. Мать уже ушла — на работе. Отец, наверное, тоже. В квартире было тихо. Только холодильник гудел на кухне. И за окном — пасмурно. Не дождь. Просто серое небо и мелкая морось, которая не падала, а висела в воздухе.

Он лежал. Смотрел в потолок. Прокручивал в голове вечеринку. Не всю — кусками. Как он стоял на балконе. Как Кира учила его зажимать струны. Как все смеялись. Как Марк смотрел от стены. Как собака сидела у подъезда и не рычала. Как он положил руку парню на плечо — и тот замер.

Он не понимал, что это было. Но хотел понять. Потому что раньше такого не было. Он никогда не был на таких вечеринках. Он вообще почти нигде не был. А тут — был. И что-то произошло. Что-то, чего он не планировал. И это что-то — было им. Но не совсем им. Как будто он смотрел на себя со стороны. И не узнавал.

Он встал. Надел куртку. Вышел.

Ноги привели его в парк. Там было почти пусто, но не совсем — кто-то гулял с собакой, кто-то шёл с зонтом. Пасмурно. Морось. Деревья стояли тихие, мокрые, тёмные. Пахло землёй и листьями.

Он дошёл до пруда. Небольшой, с утками. Вода была серая, как небо. Утки плавали медленно, не обращая ни на кого внимания. Он сел на скамейку. Не потому что устал. Просто здесь было хорошо. Можно было смотреть на воду. На деревья. На людей. И ни о чём не думать.

Он смотрел на уток. На то, как они ныряют. Как выныривают. Как трясут хвостами. Вода расходилась кругами. Он считал круги. Один. Два. Три. Сбивался. Начинал заново.

Он не заметил, как она подсела.

Просто почувствовал: кто-то есть рядом. Не резко. Не близко. На другом конце скамейки. Он повернул голову.

Девушка. Незнакомая. В куртке с капюшоном, который она не надела. Волосы мокрые от мороси. Она смотрела не на него. На воду. На уток. Так же, как он. Молча.

Он не знал, что сказать. Не потому что хотел познакомиться. Просто молчать рядом с незнакомым человеком было неудобно. Но и заговорить было неудобно. Он выбрал третье: отвернулся. И снова стал смотреть на уток.

Она тоже молчала. Прошла минута. Две. Морось усиливалась. Кто-то прошёл мимо с собакой. Собака посмотрела на Стаса. Не залаяла. Просто посмотрела. И пошла дальше.

Потом девушка сказала:

— Они не боятся.

Он обернулся.

— Утки, — сказала она. — Не боятся, когда близко подходишь. Привыкли.

— Да, — сказал он. — Наверное.

Она помолчала. Потом:

— Ты часто здесь бываешь?

— Иногда, — сказал он. — Когда есть время.

— А сейчас есть?

Он не понял вопроса. Не понял, что она имеет в виду. Время? Или что-то другое?

— Есть, — сказал он.

Она кивнула. Не улыбнулась. Просто кивнула. И снова замолчала. И это молчание было не неудобным. Странно. С ней можно было молчать.

— Я вчера была на вечеринке, — сказала она вдруг. — У Киры.

Он повернулся. Посмотрел на неё. Внимательнее.

— Я тоже, — сказал он.

— Знаю, — сказала она. — Я видела. Ты учился играть на гитаре.

Он не помнил её. Не помнил, чтобы она была там. Но там было много людей. И он не смотрел по сторонам. Он смотрел на струны. На пальцы. На Марка.

— Получилось? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

Она не засмеялась. Не сказала «ничего, научишься». Просто кивнула. И снова посмотрела на воду.

— А ты? — спросил он. — Что делала?

— Смотрела, — сказала она. — Как ты учишься.

Он не знал, что на это сказать. Она смотрела на него. Не так, как смотрят девушки, которым он нравится. Не так, как смотрела Кира. По-другому. Как смотрят на что-то, что ещё не поняли. Но хотят понять.

— Ты знаешь Марка? — спросила она.

— Знаю, — сказал он. — Друг.

— Он странный, — сказала она. — Стоял у стены. Не смеялся. Как будто ему было всё равно. Или как будто не всё равно. Не поймёшь.

Стас промолчал. Он тоже это заметил. Но не знал, что с этим делать.

— А ты? — спросила она. — Тебе было весело?

— Не знаю, — сказал он. — Я не думал об этом.

Она посмотрела на него. Долго. Как будто ждала другого ответа. Но другого не было. И она не стала настаивать. Просто сказала:

— Я пойду. Холодно.

Встала. Поправила капюшон — не надела, просто поправила. И пошла. Не быстро. Не медленно. По дорожке, мимо пруда, мимо уток.

Он смотрел ей в спину. И где-то под рёбрами — что-то ёкнуло. Коротко. Как будто кто-то положил руку на плечо. И убрал.

Она прошла несколько шагов. Потом остановилась. Обернулась.

— Кстати, — сказала она. — Меня Даша зовут.

Он открыл рот. Чтобы сказать своё имя. Но не успел. Она уже отвернулась. И пошла. Не оглядываясь. По дорожке, мимо пруда, мимо уток. Пока не скрылась за деревьями.

Он сидел. Смотрел ей вслед. Имя осталось в воздухе. Как круги на воде. Расходились. Исчезали. Но не до конца.

Он не окликнул её. Не сказал «а меня Стас». Не побежал следом. Он просто сидел. Смотрел на воду. На уток. На круги, которые расходились и исчезали.

А потом встал. И пошёл домой. Не потому что стало холодно. Потому что стало тихо. А тихо — это как перед водой. И он не хотел воды. Пока.

Сон

Дома он налил себе чай. Не воду. Чай. Сел у окна. Посмотрел на двор. Там было пусто. Никого не было. Только дождь. Только серое небо. И где-то глубоко, под рёбрами, — тепло. Тихое. Не от чая. От чего-то другого. Чего он не понимал.

Ночью ему снилась вода. Не пруд. Не озеро. Просто вода. Тёмная, тихая, без берегов. Он стоял в ней по грудь. Не холодно. Не тепло. Просто вода. И кто-то держал его за плечо. Сзади. Не сильно. Как держат, когда хотят, чтобы человек не ушёл. Или когда хотят, чтобы он ушёл. Он не оборачивался. Он просто стоял. И вода дышала. И рука держала. И было тихо.

Он не помнил, как проснулся. Просто утро. Свет в окне. Мать на кухне. Чай. Не вода. Чай. Как всегда.

Он сел у окна. Посмотрел на двор. Там было пусто. Собаки не было. Никого не было. Только утро. И чай. И где-то глубоко, под рёбрами, — тихо. И это было хорошо. И это было страшно.

Интерлюдия 1. «Озеро. До»

Утро было ясное. Небо — чистое, без единого облака. Солнце поднялось невысоко, но уже грело. Вода в озере стояла тихая. Не потому что замерла — потому что не было ветра. Только лёгкий бриз, который трогал поверхность и уходил. Оставлял рябь. Рябь расходилась. Исчезала.

Озеро было большое. Не море. Но и не пруд. В нём было достаточно места, чтобы вода дышала. И она дышала. Медленно. Ровно. Как дышит всё, что живёт долго и никуда не спешит.

Сверху вода была прохладная. Утром — особенно. Но если опустить руку глубже, там было тепло. Не горячо. Просто тепло. Как в июне. Как тогда. Вода помнила это тепло. Она держала его в глубине. Не отдавала. Но и не прятала. Просто держала.

У берега плавали утки. Не те, что в парке. Другие. Дикие. Они не боялись воды. Они знали её. Знали, что она не тронет. Что она держит. Что она ждёт.

Вода ждала.

Она не знала, чего. Просто ждала. Так ждёт всё, что было создано для чего-то — и ещё не дождалось. Она не спрашивала. Не торопила. Она просто была. Как была всегда. Как будет.

Солнце поднималось выше. Вода светлела. Становилась прозрачнее. Видно было дно — песок, камни, тёмные пятна водорослей. Видно было рыб — маленьких, быстрых, которые шли стайками и не обращали внимания на верхний мир.

Вода не думала о том, что будет. Она не знала, что придёт лодка. Что кто-то встанет в ней — спиной к берегу. Что туман возьмёт его. Что мальчик останется на берегу. Смотреть. Запоминать. Телом.

Вода этого не знала.

Она просто была. Прохладная сверху. Тёплая снизу. Тихая. Ждущая. Как всё, что ещё не знает, что будет. Как всё, что ещё не видело. Как всё, что ещё не потеряло.

Утки поплыли к другому берегу. Бриз стих. Рябь исчезла. Вода стала гладкой. Как стекло. Как зеркало. Как то, что помнит — и молчит.

Солнце поднялось ещё выше. День начался. Обычный день. Ничем не примечательный. Один из многих. Вода не знала, что этот день сменит другой.Что послезавтра — тоже. Что будет туман. Что будет лодка. Что будет мальчик.

Вода не знала.

Она просто держала. Прохладная сверху. Тёплая снизу. Тихая. Как всё, что ещё не знает. Как всё, что ещё не видело. Как всё, что ещё не потеряло.

Часть II. «Навыки»

1

Библиотека была на третьем этаже. Маленькая, тесная, с высокими стеллажами, которые почти доставали до потолка. Пахло пылью и старой бумагой. Свет из окон падал косо, и в нём висели пылинки — медленно, как в воде.

Стас пришёл за подшивками. Пётр Аркадьевич сказал: «Шестьдесят восьмой год. Посмотрите, там ещё что-то было». Он не сказал, что именно. Просто «посмотрите». И Стас пошёл смотреть.

Он нашёл нужный стеллаж. Провёл пальцем по корешкам. Старые, потёртые, с выцветшими надписями. Он взял одну подшивку. Открыл. Полистал. Не то. Поставил обратно. Взял другую.

Потом услышал:

— Ты всегда так делаешь?

Он обернулся.

Она стояла в конце стеллажа. С книгой в руках. Та же куртка. Тот же хвост. Только волосы сухие. И глаза — внимательные. Как тогда, в парке.

— Что делаю? — спросил он.

— Берёшь. Смотришь. Ставишь обратно. И не запоминаешь, что взял.

Он посмотрел на свои руки. На подшивку, которую держал. Он не помнил, какую взял до этого. Не помнил, какую поставил. Просто брал. Смотрел. Ставил.

— Наверное, — сказал он.

Она подошла ближе. Не вплотную. На расстояние разговора. Посмотрела на стеллаж.

— Что ищешь?

— Шестьдесят восьмой, — сказал он. — Статьи. Про... — Он запнулся. Не потому что не знал. Потому что не знал, как сказать, чтобы не звучало странно. — Про то, как люди становятся удобными.

Она не удивилась. Не переспросила. Просто кивнула.

— Это на верхней полке, — сказала она. — Там старые подшивки. Я видела.

Он посмотрел наверх. Полка была высоко. Он не дотянулся бы. Или дотянулся, но с трудом.

— Я принесу, — сказала она.

И прежде чем он успел сказать «не надо», она уже отставила свою книгу, подошла к стеллажу, встала на цыпочки. Не достала. Оглянулась. Взяла стул. Не спросила разрешения. Просто взяла. Поставила. Встала на него. Достала подшивку. Слезла. Протянула ему.

— Держи.

Он взял. Подшивка была тяжёлая. Пыльная. Он открыл её. Полистал. Шестьдесят восьмой. Статьи. Та самая. И ещё что-то. Он не смотрел. Он поднял глаза.

— Спасибо.

— Не за что.

Она не ушла. Стояла. Смотрела на него. Как тогда, в парке. Как будто ждала, что он скажет что-то ещё. И он сказал. Не потому что хотел. Потому что молчать было неудобно. А с ней — не неудобно. Но он всё равно сказал.

— Я вчера альбом нашёл, — сказал он. — Старый. С фотографиями.

На полке стоял. Я его раньше не замечал. А тут — заметил.

Она не переспросила. Не сказала «и что». Просто ждала.

— Я там маленький, наверное, — сказал он. — И ещё что-то. Я не знаю что. Я не открывал.

— Почему? — спросила она.

Он задумался. Не потому что не знал ответа. Потому что ответ был странный.

— Не знаю, — сказал он. — Родители никогда не смотрели его со мной. Как будто его нет. Как будто он просто стоит. И всё.

Она кивнула. Не сказала «тебе показалось». Не сказала «это нормально». Просто кивнула.

— У меня тоже был альбом, — сказала она. — Бабушкин. Я его боялась открывать. Думала, там что-то, что я не хочу знать.

— И что? — спросил он.

— Открыла, — сказала она. — Одна. Когда никого не было. Там были фотографии. Бабушка молодая. Дед. Которого я не знала. И ещё кто-то. Я не поняла кто. Но когда смотрела — было тепло. И страшно. Одновременно.

Он смотрел на неё. Она говорила спокойно. Без надрыва. Как будто рассказывала про погоду.

— И что ты сделала? — спросил он.

— Ничего, — сказала она. — Закрыла. Поставила обратно. Но с тех пор знаю, что там. И это уже не то же самое.

Она помолчала. Потом сказала:

— Если хочешь посмотреть — посмотри. Сам. Чтобы никто не помешал. Чтобы было время. Понять. Что ты чувствуешь. Не то, что должен чувствовать. А то, что есть.

Он не ответил. Просто стоял. Держал подшивку. Смотрел на неё.

— Мне пора, — сказала она. — У меня пара.

Она взяла свою книгу. Пошла к выходу. У двери обернулась.

— Даша, — сказала она. — Мы в парке познакомились. Ты, наверное, забыл.

— Не забыл, — сказал он.

Она кивнула. И вышла.

Он остался стоять. С подшивкой в руках. С пылью в воздухе. С мыслью, которую не додумал. «Не то, что должен чувствовать. А то, что есть».

Он не знал, что это значит. Но запомнил. Как запоминают руку на плече. Тепло. И уход.

2

Дома никого не было. Мать ушла к соседке. Отец — на работе, в ночную смену. В квартире было тихо. Только холодильник. Только часы на кухне. Только его шаги.

Он пошел к себе в комнату. Постоял у полки. Посмотрел на альбом. Тёмно-зелёная обложка. Потёртые углы. Он стоял там всегда. Между словарём и книгой, которую Стас не открывал.

Он взял его. Не сразу. Сначала протянул руку. Потом убрал. Потом снова протянул. Как будто альбом мог обжечь. Или уйти. Или оказаться не тем, чем был.

Он снял его с полки. Тяжёлый. Пыльный. Он не знал, что внутри. Но что-то знал. Тело знало. Оно помнило — что-то. Смутно. Как будто видело — и забыло.

Он сел на кровать. Положил альбом на колени. Открыл.

Первая страница была пустая. Только уголок фотографии, приклеенной к обложке. Он перевернул. Вторая — тоже пустая. Третья — фотографии. Чёрно-белые. Старые. Люди, которых он не знал. Женщина в платке. Мужчина с усами. Дети. Он листал. Медленно. Не узнавая. Не находя себя.

Потом нашёл.

На одной из страниц — ближе к концу — была фотография. Цветная, выцветшая. Мальчик. Маленький, лет двух. Светлые волосы. Сидит на руках у женщины. Женщина молодая. Улыбается. Не его мать. Рядом — мужчина. Высокий. Смотрит в камеру. Не его отец. Другой.

Стас смотрел. Долго. Не дышал. Потом выдохнул.

Он перевернул фотографию. На обороте — ничего. Пусто. Он посмотрел на женщину. На мужчину. На мальчика. На себя. Это был он. Он знал. Не умом. Телом.

Он закрыл альбом. Не резко. Медленно. Положил на колени. Посмотрел на стену. На окно. На свои руки.

Он не чувствовал ничего. Не страх. Не злость. Не любопытство. Просто — пусто. Как будто внутри что-то было — и вынули. И оставили место. Пустое. Гладкое. Как вода без берегов.

Потом он встал. Пошёл на кухню. Налил чай. Не воду. Чай. Сел у окна. Посмотрел на двор. Там было темно. Никого не было. Только фонарь. Только его свет. Только тишина.

Он думал о женщине. О мужчине. О мальчике. О том, что они — не его родители. Что его родители — другие. Что те, кто его растил, — не те, кто его держал. Или те. Или не те. Он не знал.

Он не спрашивал себя, кто они. Он просто смотрел на двор. И пил чай. И где-то глубоко, под рёбрами, — было тихо. И это было хорошо. И это было страшно.

3

Утро было серое. Не дождь. Просто серое. Мать стояла у плиты. Что-то грелось. Пахло чем-то. Отец сидел за столом с газетой.

Стас вошёл. Не поздоровался. Не потому что не хотел. Он держал в руке фотографию. Не альбом. Просто фотографию. Выцветшую. С мальчиком. С женщиной. С мужчиной.

Он подошёл к столу. Положил фотографию. Не бросил. Не хлопнул. Просто положил. И посмотрел на мать.

Она обернулась. Увидела. И зажала рукой рот.

Не крик. Не вздох. Просто рука. Ладонь. Прижатая к губам. Как будто она боялась, что оттуда что-то вырвется. Что-то, что нельзя. Что-то, что она держала внутри — годами. И вот оно подступило.

Отец поднял глаза. Посмотрел на фотографию. Потом на мать. Потом на Стаса. Газета в его руках дрогнула. Не сильно. Едва заметно. Но дрогнула. Он положил её на стол. Медленно. Аккуратно. Как будто боялся, что если положит резко — что-то сломается.

И замолчал.

Все замолчали.

Стас стоял. Смотрел на них. Не спрашивал. Просто смотрел. Взглядом. Без слов. Потому что слова были не нужны. И потому что он не знал, какие слова. «Кто это?» — было слишком просто. «Почему вы не сказали?» — было слишком поздно. «Кто я?» — было слишком страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.